

Д. Д. Исаев, Ю. О. Шмидт

Санкт-Петербургская государственная педиатрическая
медицинская академия

РАЗЛИЧИЯ ГЕНДЕРНЫХ УСТАНОВОК У ЖЕНЩИН С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ПРЕНАТАЛЬНОЙ МАСКУЛИНИЗАЦИИ / ДЕФЕМИНИЗАЦИИ

*Гендерное образование в России и за рубежом:
история и современность*

Исследования последних десяти лет наглядно показали, что отношение длины указательного (2D) и безымянного (4D) пальцев отражают процесс половой дифференцировки ЦНС в период внутриутробного развития [7]. Многочисленные публикации констатируют, что у женщин второй палец практически равен длине четвертого пальца, тогда как у мужчин указательный в среднем короче, чем безымянный, и эти соотношения устанавливаются к возрасту 2 года [6]. Повышенный уровень пренатальных андрогенов (тестостерона) приводит к уменьшению пальцевого индекса (2D: 4D).

Лишь в одном известном нам исследовании авторы попытались рассмотреть взаимосвязь гендерной идентичности с индексом 2D:4D у здоровых женщин. В результате заполнения полоролевого опросника С. Бем оказалось, что более низкие показатели 2D: 4D были значимо связаны с более высокими показателями уровня маскулинизации [3]. Другое недавнее исследование выявило, что чем более низкие показатели 2D: 4D были у гетеросексуальных женщин, тем более склонны они были к доминированию [6]. Выявлялась также взаимосвязь пальцевого индекса с уровнем агрессивности, склонностью к приключениям и острым ощущениям [4].

К настоящему времени накоплены данные о существовании достоверной связи между показателями 2D: 4D у женщин и гомосексуальной ориентацией (фантазии, влечение, поведение) [5]. Сравнение большой группы лесбиянок, разделенных на маскулинные («буч») и фемининные («фемм»), показало, что между ними существовали значимые различия по пальцевому индексу [2].

Существующие данные заставляют предполагать наличие более тесного влияния процесса внутриутробной маскулинизации/дефеминизации на особенности гендерной идентичности и ролевых установок у женщин. С целью изучения этой гипотезы было обследовано 90 женщин: гетеросексуальные, гомосексуальные и женщины с транссексуальными установками (обратившиеся для смены пола). Средний возраст в равных по численности группах составил 21,5; 22,5 и 26,6 года соответственно. В качестве диагностических методик использовались специально разработанная анкета психосексуального развития, полоролевой дифференциал, универсальный трехфакторный семантический дифференциал Ч. Осгуда, а также проводилось антропометрическое исследование соотношения длины пальцев 2D:4D. По результатам замеров каждая группа была разделена на женщин с фемининным или маскулиненным показателем 2D: 4D, т. е. подвергшихся или нет

маскулинизации/дефеминизации в процессе внутриутробного развития.

Гетеросексуальные женщины с фемининным показателем пальцевого индекса 2D: 4D были склонны противопоставлять мужчин и женщин как по содержательным, так и по эмоционально-поведенческим характеристикам. Семья видится им как гармоничная структура, в которой царят согласие и взаимопонимание. Отец воспринимается как лидер и авторитет в семье. Образ матери характеризуется как типично фемининный. При этом, чем выше были антропометрические показатели феминизации, тем большую близость к матери демонстрировали женщины и ощущение того, что «мать очень меня любит». Отец содержательно и эмоционально-поведенчески соответствовал маскулинному гендерному образцу, в соответствии с которым женщины описывали большинство мужчин и представляли себе желаемый образ любимого человека и сексуального партнера. Таким образом, женщины в этой группе демонстрировали приверженность традиционной патриархатной гендерной модели с поляризацией ролей на основе андроцентризма.

Группа *гетеросексуальных женщин с маскулиненным показателем* пальцевого индекса 2D:4D демонстрировала амбивалентное отношение к матери. С одной стороны, на осознаваемом уровне они утверждали, что хотя бы быть похожими на нее, считают авторитетом и положительно оценивают, с другой стороны, анализ личностных смыслов этих женщин показал, что образ матери не является для них значимым, выпадает из системы отношений и иногда полностью противоположен характеристикам «Я-идеального». Эти женщины психологически ориентированы на мужчин, значительно легче находят с ними общий язык и поэтому общаются преимущественно с лицами мужского пола. Фактически мужской образ является эталонным, в системе отношений мужские фигуры значимее женских, которые оказываются вторичными и рассматриваются как инфантильные. Значимые женские образы (например, подруга) по описаниям больше напоминают мужчин, характеризуются как маскулинные и содержательно коррелируют с образами отца, любимого человека. Не удивительно, что при описании себя они выделяют качества, традиционно приписываемые лицам мужского пола.

Полученные данные наглядно демонстрируют, что в этой группе женщины ориентированы на построение андрогинной модели для женщин, в основе которой лежат традиционно мужские качества, а фемининность рассматривается ими как признак незрелости.

Гомосексуальные женщины с фемининным показателем пальцевого индекса 2D:4D в детско-подростковом возрасте отличались гендерно нетипичным поведением: чаще старались носить одежду, не характерную для девочек, предпочитали мальчишеские игры («машинки», «война», «силовые» игры). Для них характерно противоречивое отношение к лицам мужского пола. Это проявляется уже в отношении к отцу, по поводу которого они утверждают, что он эгоистичен, думает только о себе, не любит свою дочь. Сами они теплых чувств к отцу не испытывают, считают, что между ними нет эмоциональной близости. В характери-

ках желаемого партнера можно увидеть полную противоположность отцу. На сознательном, эмоционально-оценочном уровне мужчины оцениваются негативно. Однако на содержательном, неосознаваемом уровне оказывалось, что традиционные мужские качества чрезвычайно привлекательны для них, а сам маскулинный образ является крайне важным элементом в системе отношений личности. Кроме того, мужчины воспринимаются привлекательными намного чаще, чем в другой гомосексуальной группе.

Женщины поддерживают хорошие отношения с матерью и считают, что похожи на нее как своим внутренним миром, так и поведением, экспрессией. Желаемый образ любимого человека коррелирует с качествами, приписываемыми матери. В отличие от другой группы гомосексуальных женщин, «фемининные» не испытывали в прошлом серьезных трудностей в общении с лицами своего пола, однако в их системе отношений женщины играли незначимую роль.

Гомосексуальные женщины с маскулинными антропометрическими показателями (2D: 4D) в гендерных установках и воззрениях во многом оказались противоположны «фемининной» группе. Они считают, что отец их очень любит и сами относятся к нему с большой симпатией. Отец воспринимается сильным, настойчивым, спокойным, доминантным, продолжение его качеств они видят в своем партнере. Ситуация в родительской семье описывается как благополучная, дружественная, но фигура матери воспринимается весьма противоречиво. Очень часто она описывается как авторитарная, с одной стороны, и лучший друг — с другой. На эмоционально-поведенческом уровне они не ощущают своей близости с матерью, а «Я-идеальное» видят совершенно противоположным матери по содержанию.

Гендерная схема в этой группе построена на противопоставлении мужчин и женщин. Однако если женский полюс выглядит традиционно для европейской культуры: женщины воспринимаются в их традиционном воплощении («домашние», «спокойные» и т. п.), то большинство мужчин описываются через негативные характеристики («не очень уверенные в себе», «чувствующие неполноценность», «редко имеющие точку зрения»). Положительный компонент маскулинного образа приписывается себе: «сильные», «стеничные», «активные», «волевые», «доминирующие», «лидеры», даже «агрессивные».

Женщины с *транссексуальными установками и с фемининным показателем 2D:4D* с детства ощущали свою гендерную «атипию», их внешность, одежда и интересы соответствуют представлениям о лицах мужского пола. Вместе с тем, вопреки ожиданиям, они обнаруживают отсутствие идентификации с кем-либо из родителей, не хотят быть похожими ни на мать, ни на отца. Мать не представляет интереса именно как носитель «чуждых» им фемининных качеств, но даже отец видится чересчур «женственным», открытым, эмоциональным и, возможно, похожим на гомосексуалов.

Самоописания в этой группе свидетельствуют о наличии целого комплекса психологических проблем. Женщины считают себя тревожными, напряженными, «не домашними». Конфликт гендерной идентичности на момент обследования заставлял их чувствовать, что

они не приемлют возможность быть схожими с лесбиянками, но и не чувствуют полного соответствия мужскому гендеру. При этом желаемый образ любимого человека и сексуального партнера содержательно и эмоционально-поведенчески представляет традиционный фемининный образ, который также коррелирует с образом их матери.

Женщины с *транссексуальными установками и с показателями пренатальной маскулинизации* с самого раннего детства считались «своими парнями» в мальчишеской компании, а взрослые называли их «сорванцами», «забияками». Они с детства идентифицировались с отцом, утверждают, что похожи на него и именно с ним лучше всего находят «общий язык». С матерью чаще всего отношения напряженные, натянутые из-за несогласия с ее требованиями. Мать воспринимается как носитель чуждой — фемининной модели, поэтому в своих ожиданиях они обнаруживают желание, чтобы любимый человек совсем не походил на мать, да и своих подруг воспринимают как содержательно противоположных матери.

Женщины в этой группе принимают и четко следуют существующей биполярной гендерной модели с жестким противопоставлением мужчин и женщин. Они придерживаются ярко выраженного андроцентризма с утверждением, что все мужчины «сильные, уверенные в себе», а женщины — «слабые и нежные». Понятно, что себя они однозначно ощущают похожими на большинство мужчин и хотят стать еще более мужественными как психологически, так и телесно.

Представленные результаты показывают, что процесс пренатальной маскулинизации/дефеминизации, маркером которого выступал пальцевый индекс (2D:4D), оказывал значимое влияние как на гендерную идентичность, так и на формирование ролевых установок в каждой из рассматриваемых групп. При этом вне зависимости от сексуальной самоидентификации и направленности сексуального влечения показатель отношения указательного пальца к безымянному сближал гендерные установки женщин, мог выступать предиктором отношения к родителям своего и противоположного пола, оказывал влияние на отношение к гендерной схеме и формирование гендерной идентичности.

Результаты, полученные в трех группах женщин, позволяют по-новому взглянуть на проблему конституциональной «почвы» в формировании гендерных особенностей женщин и возможности воспитательных и педагогических воздействий, направленных на коррекцию гендерной атипичности.

Литература

1. Benderlioglu Z. Digit length ratios predict reactive aggression in women, but not in men / Z. Benderlioglu, R. J. Nelson // *Hormones and Behavior*. 2004. Vol. 46. № 5. P. 558—564.
2. Brown W. M. Differences in finger length ratios between self-identified “butch” and “femme” lesbians / W. M. Brown, C. J. Finn, B. M. Cooke, S. M. Breedlove // *Archives of Sexual Behavior*. 2002. Vol. 31. № 1. P. 117—121.

3. Csatho A. Sex role identity related to the ratio of second to fourth digit length in women / A. Csatho, A. Osvath, E. Bicsak [et al.] // *Biological Psychology*. 2003. Vol. 62. № 2. P. 147—156.

4. Hampson E. On the relation between 2D:4D and sex-dimorphic personality traits / E. Hampson, C. L. Ellis, C. M. Tenk // *Archives of Sexual Behavior*. 2008. Vol. 37. № 1. P. 133—144.

5. Kraemer B. Finger length ratio (2D: 4D) and dimensions of sexual orientation / B. Kraemer, T. Noll, A. Delsignore [et al.] // *Neuropsychobiology*. 2006. Vol. 53. № 4. P. 210—214.

6. Manning J. T. Digit ratio (2D:4D), dominance, reproductive success, asymmetry, and sociosexuality in the BBC Internet Study / J. T. Manning, B. Fink // *American Journal of Human Biology*. 2008. Vol. 20. № 4. P. 451—461.

7. Putza D.A.mailto:dapst49@pitt.edu Sex hormones and finger length: What does 2D:4D indicate? / D. A. Putzmailto:dapst49@pitt.edu, S. J. C. Gaulinb, R. J. Sporterc, D. H. McBurneyc // *Evolution and Human Behavior*. 2004. Vol. 25. P. 182—199.